

СЕГОДНЯ — 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

Зоркость сердца, Честность взгляда

Очевидно, каждая эпоха рождает художников, тонко чувствующих потребности времени, всей своей жизнью, всем своим существом соответствующих этому времени.

Константин Михайлович Симонов. Он был поразительно современным художником, всегда умевшим найти краски и слова, чтобы выжить и показать жизнь, которую он знает, в которой он живет, болями которой он болеет, радостями которой он радуется.

В газетных очерках военных лет Симонов стал для миллионов советских людей глазами, которыми они смотрели на врага, сердцем, задыхающимся от ненависти к врагу, надеждой и верой в Победу, не покидавшими даже в самые тяжелые часы. Пылающая картина Великой Отечественной не существует в нашем сознании без симоновского «Жди меня», без «Русских людей», без «Разных дней войны», без «Живых и мертвых», без «Дней и ночей»... Не только литературное мастерство отличает эти произведения, но и зоркость сердца, честность взгляда и чувство огромной ответственности писателя, которому выпало на долю стать летописцем тяжелой битвы эпохи.

Война всегда была его главной темой. Это не только книги. Это и известные телевизионные передачи, посвященные солдату. Это и документальные фильмы, в которых он стремился запечатлеть уходящее время. Он стремился расска-

зать как можно больше ныне живущим. Он стремился как можно больше успеть сказать.

Симонов постоянно находился в гуще событий. На дорогах жизни, по которым без устали, с удивительной энергией и неослабевающим интересом ходил этот человек, он встречал тысячи и тысячи людей.

И каждый, кто попадал в круг его внимания, мог рассчитывать на помощь и поддержку. Ни одно письмо, ему адресованное, не осталось без ответа. А их приходило великое множество — с просьбой рассказать, подсказать, помочь.

Вероятно, он ощущал жизненную необходимость поддерживать, выручать, вытягивать, защищать. Общественная работа была для него не долгом, но призванием. И это — еще одна черта, без которой образ Константина Михайловича был бы неполным.

Все, кому довелось с ним встречаться, неизменно попадали под обаяние крупной личности. Он был настоящим человеком в самом точном и высшем смысле этого слова. Жизнь Симонова — жизнь счастливого человека, нужного людям, нужного делу, нужного времени.

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР.

Постижение добра

Какими бы талантливыми ни были человек или произведение, но правда должна быть мерилем всего, говорил на съемках фильма «Двадцать дней без войны» Константин Симонов.

ПЯТНАДЦАТЬ лет назад я закончил свою первую картину. Ее не приняли. Я растерялся. Друзей как-то сразу поубавилось. И вдруг раздался звонок и знакомый голос Константина Михайловича спросил, не могу ли я к нему прийти.

— Хочу с вами снять, — сказал он при встрече. — Очень уважаю старых режиссеров, благодарен Столперу. Но мечтаю работать с молодым, задиристым. Подумайте об этом.

К тому времени я прочитал многие его лопатинские повести. Мне нравились «Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин». Поразила малоизвестная читателям документальная книга «Штрихи эпопей», в которой собраны пронзачные рассказы рабочих оборонной промышленности о том, как они трудились в военные годы в Ташкенте. А потом Константин Михайлович дал прочитать гранки повести «Двадцать дней войны». Я прочитал и не могу сказать, что повесть мне очень понравилась. Но почему-то именно в ней я ощутил кино. Оно было во всем, в ледяном вагоне, едущем через Казахстан, в сцене митинга и, конечно, в исповеди летчика, брошенного женой.

Откровенно сказал Константину Михайловичу, что нравится, что не очень, чего, на мой взгляд, не хватает. И вдруг он говорит:

— А знаешь, Алексей, я ведь летчика-то из повести выбросил. Ну, что он будет какому-то Лопатину это рассказывать. Хотя на самом деле он рассказывал это мне, автору «Жди меня».

Сначала я смутился этим обстоятельством, а потом попробовал убедить: «Писателю любой человек расскажет. Ну, а здесь пусть летчик рассказывает свою историю пожилому майору-журналисту. Значит, его страдание так высоко и огромно, что он готов поделиться им с кем угодно. И это — настоящая правда. Это надо снимать».

Симонов был убеждаемым человеком. Трудно, но убеждаемым. Он позвал своего секретаря Нину Павловну Гордон:

— Давайте им все, что у нас есть в записниках. Пусть читают, но только пусть читают здесь, никуда не выходя, выписывают то, что им нужно.

И эти симоновские папки открыли нам очень многое. Поразительная штука: он приезжал с фронта и диктовал машинисткам все, что с ним случилось. Со временем в его архивах набралось много подобных записей. Из них возникли всякие фразы, повороты в нашем фильме. Кино снять нетрудно, труднее ощутить время. Вот это «ощущение» режиссер должен получить, а потом передать товарищам по работе.

Фронтные заметки Симонова стали первым толчком. Потом пришло другое.

В один прекрасный день мы вошли в санитарный поезд, законсервированный в 1945 году. В нем все было приготовлено, но ни разу не использовалось: там лежали вилки, ножи, комплекты белья, инструменты. И было странное чувство смещения времен, точное попадание в ту войну, что и по сей день снится по ночам видевиум ее. И этот поезд, и симоновские папки...

На съемках мы стремились не потерять это ощущение подлинности обстановки. Вот надо было снять выступивший той самой зимней военной стужей ледяной вагон. Конечно, потом ругали: зачем вагон загнал в степь, почему нельзя снять на студии? Можно было, конечно, восстановить полвагона в павильоне, чтобы за окном тянулись фоны, а двое рабочих этот вагон раскачивали. Труднее оказалось другое: не наврать при этом на крупном плане, не обмануть. Ведь надо было добиться, чтобы артист не просто верил в предлагаемые обстоятельства, а жил в них. А чтобы жил, органично существ-

вовал в этом пространстве войны, нужно, чтобы был настоящий холодный вагон, и чтобы тащил его паровоз, и чтобы за окном тянулись настоящие, а не нарисованные ледяные степи, и чтобы вся группа устала. Только тогда мы могли заработать по-настоящему, приблизиться к симоновской правде.

ТАК начиналась работа. Мы ссорились с Константином Михайловичем по ходу этой работы и ссорились крепко.

— Вы сами говорили, что вам нужен задиристый режиссер. Зачем вы меня тогда ломаете? — наседали, когда стычки становились особенно яростными. Но парадоксальная вещь: я вдруг начал понимать, что они ему страшно нравились. И в конечном итоге не отдаляли, а сближали.

Сначала мы ругались из-за героини. Я хотел пригласить на главную женскую роль артистку Д. А. Симонов был против. И настаивал на своем. Роль Ники в «Двадцати днях...» исполнила Людмила Гурченко. А вот кандидатуру Юрия Никулина на роль Лопатина поддержал, хотя многие тогда были против. Никулина привыкли видеть на арене цирка, в комедиях... Между тем в лопатинских повестях где-то даже упоминается, что журналист Лопатин похож на клоуна. Симоновское описание Лопатина поразительно точно совпало с внешностью Никулина. Он был не просто артистом, он был еще и типажом. Я все свои картины начинаю с того, что пытаюсь артиста пристегнуть к типажам. Пристегивается — годится, не пристегивается — будь он самый хороший артист, он из фильма выпадает. Вот Никулин оказался живым Лопатинским, совмещением качества артиста и типаж в одном лице. Наши оппоненты говорили, что он просто плохо играет. Но это было неверно. Потому что именно Ю. Никулин задал строй всей картине. Симонов это понял. Он поддержал кандидатуру Никулина, хотя атака была нешуточная.

И Юрий Никулин сыграл роль.

Мы работали трудно. Порой мне казалось, что Симонов меня не понимал. Порой в сердцах кричал: «Я приеду и сам порежу материал». А я отвечал: «Не пренежайте, никто вас в монтажную не пустит». Но при этом он был изумительно чутким и тонким редактором.

Даже кинематографическая ремарка имела для него значение. В режиссерском сценарии написано: «...И Лопатин выматерился». Правка Симонова: «И Лопатин беззвучно выматерился с сторону немцев».

Картина «Двадцать дней войны» начинается кадрами пляжа у Феодосии. Зритель слышит голос Симонова, говорящего от имени своего героя: «Черт его знает, почему вспоминается одно, а не другое? Почему, хотя после высадки в Феодосии были и Дон, и Сталинград, и два ранения, а в памяти вдруг снова эта зимняя туманная сырость над морем, это утро перед обратной дорогой на Большую землю, этот солдат с его словами про Гитлера и Паша Рубцов, в этой своей плотке похожий на пленного офицера...». Я сразу хотел, чтобы в прологе звучал голос Симонова. И он прозвучал. Но мало кто знает, что своим вступлением Симонов снял многие претензии к образу журналиста Рубцова.

Свое отношение к фильму Константин Михайлович долго не высказывал. Хотя, как мне говорили, понимал, что картина, во всяком случае, честная. Когда на одном из просмотров кто-то обронил:

— Тяжелый случай.
Симонов, умевший порой «недослышать», уточнил:

— Картина тяжелая, но хорошая.

На премьере он нервничал. Потом сказал, что работать со мной не будет.

— За это время я книжку мог написать. И лишь несколько лет спустя отметил в «Литературной газете», что фильм ему нравится.

НЕ СКАЖУ, что был близок с ним. Был лишь знаком. И встречи проходили по-разному.

Мой отец, писатель Юрий Герман, и Симонов дружили. Симонов был моложе отца, но почему-то считалось, что он старше. Отец относился к Константину Михайловичу с нежностью, он его любил. Одно время, когда отцу было тяжело, он жил у Симонова. И Константин Михайлович подарил ему «на счастье» серый галстук. У него было такое шутовское поверье. Много лет спустя появился серый галстук и у меня. Тоже «симоновский».

Симонов вообще очень много помогал людям.

Помню его уже больного и усталого. Звонит телефон. Симонов берет трубку, его о чем-то просят, слышу, что речь о ком-то, потеревшем зрение. Сразу начинает записывать. Понимаю: постарается помочь.

Он всегда был там, где трудно. Взять только «Хронику» Великой Отечественной: Севастополь, Сталинград, Север...

И после войны. Скольким людям он помог, сколько хороших писателей помог открыть вновь. Вспомним Булгакова, Зощенко...

Константин Михайлович был человеком поразительной энергии. Он успевал все. Им нельзя было не восхищаться. А лести терпеть не мог. Помню, когда мы отдыхали на юге, произошел смешной случай. Решили поехать в ресторанчик. Приехали, сели. Подходит официант и говорит: «Как вы для вашего возраста замечательно выглядите».

Симонов совсем не выглядел для своего возраста замечательно! Он был уже седой и старый человек. Поэтому он разозлился и пошел на кухню выяснять, почему это он так хорошо выглядит. Выяснив, очень смеялся: о нашем приезде предупредили заранее, официантки взяли энциклопедию и прочитали все... о режиссере Рубене Николаевиче Симонове, который был, конечно, значительно старше писателя.

Он обещал больше не работать со мной. Но вдруг предложил:

— Подумаем, что еще сделать.

Решили снять картину на стыке жанров. Снять солдатскую биографию — создать как бы обобщенный образ всех героев «Солдатских мемуаров». Фильм о маленьком, действительно очень маленького роста механике-водителе танка, сменившем за войну восемь экипажей. Хотели так и назвать эту картину — «Экипаж». Мы начали работать над сценарием, раскрыли, знаменитые папки. Для финала придумали эпизод. Нашему герою врач посоветовал лечиться от занаяния — выходить в степь и петь. За годы войны он слышал разные песни от своих товарищей из восьми экипажей. И под эти песни мы хотели пустить кадры Парада Победы. Хронику под фонограммы песен погибших экипажей. Их должен был петь контуженный, мучительно занкаяющийся человек. Такая была задумка. Но мы не успели...

Константин Михайлович как-то сказал, что умрет сразу. Упадёт и умрет — как со сна. Уже большой обещал:

— Я долго болеть не буду. Мы доделаем фильм.

Но случилось иначе. Болел он долго. И все переживал, что подводит меня. Спросил:

— Что вы хотите поставить?

— Если вы поможете, повесть отца «Лапшин».

Он мне в этом помог. Появился фильм «Мой друг Иван Лапшин».

...Время прошло. Но уже невозможно найти такого автора и такого товарища. Он всех нас сплотил вокруг себя. И вдруг — осиротели. Часто мне снится, что он жив. И такой радостный сон...

Алексей ГЕРМАН.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

К. Симонов среди читателей.

Константин Михайлович и Пабло Неруда.

А. Корнейчук, К. Симонов, А. Фадеев и В. Васильев-Фотс Е. Халдея.